Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology https://mir-nauki.com

2025, Том 13, № 5 / 2025, Vol. 13, Iss. 5 https://mir-nauki.com/issue-5-2025.html

URL статьи: https://mir-nauki.com/PDF/110PSMN525.pdf

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:
Медведев, А. М. Методика культурной провокации в исследовании представлений студентов о любви и семейном счастье / А. М. Медведев, И. В. Жуланова // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т. 13. — № 5. — URL: https://mir-nauki.com/PDF/110PSMN525.pdf.

For citation:
Medvedev A.M., Zhulanova I.V. The method of cultural provocation in researching students' perceptions of love and family happiness. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2025;13(5): 110PSMN525. Available at: https://mir-nauki.com/PDF/110PSMN525.pdf. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 159.9

Медведев Александр Михайлович
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия
Институт урбанистики и глобального образования
Лаборатория проектирования деятельностного содержания образования
Ведущий научный сотрудник
Кандидат психологических наук
E-mail: al.medvedeff2009@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0009-7908-8650
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=642349
SCOPUS: https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=36802216800

Жуланова Ирина Викторовна
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия
Дирекция образовательных программ
Доцент
Кандидат психологических наук, доцент
E-mail: irina.julanova2010@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-2309-1865
РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=322649

Методика культурной провокации в исследовании представлений студентов о любви и семейном счастье

Аннотация. В статье описывается подход к изучению представлений молодых людей студенческого возраста о человеческой любви. Понимание близких отношений и любви мужчины и женщины актуально для людей этого возраста. Представлен прием, названный культурной провокацией: студентам предлагалось придумать продолжение известной сказки о Спящей Красавице. Нужно было вообразить, что Спящая Красавица проснулась сегодня, в современной жизненной ситуации. Анализируются тексты 425, полученные как ответы на этот неопределенный стимул. По замыслу сказочность, нереальность содержания стимула должна была вызвать эффект проекции. Для анализа результатов применялись обобщенные концепты: обыденные представления о любви и счастье; идея партнера как «второй половины»; средневековые аллюзии Прекрасной Дамы и ведьмы; рыночно-утилитарное понимание брачных отношений; экзистенциальное понимание любви. Приведены примеры результатов, полученных в эмпирическом исследовании, и описательная статистика. В полученных текстах преобладают обыденные стереотипные представления о любви и семейном счастье. Значительная часть текстов отнесена к категории «рыночно-утилитарные». Это идея выгодного

брачного контракта. В некоторых текстах этой группы обнаружилась ирония и креативность. В наименьшей степени представлена идея «второй половины» и романтические образы рыцаря и Прекрасной Дамы. Осмысленное экзистенциальное понимание любви отразилось лишь в 21 тексте (4,9 %). Описанный прием можно использовать при проектировании и проведении сказкотерапевтическогих тренингов.

Ключевые слова: любовь; культурная провокация; Спящая красавица; стереотипные представления; утилитарно-рыночные представления; средневековые аллюзии; экзистенциальное понимание

Введение. Обоснование подхода

Представления человека о любви и счастье трудный предмет для исследования. Поскольку такое исследование затрагивает интимно-личную область, оно сталкивается с актуализацией психологической защиты и манифестациями стереотипных атрибуций. Как это преодолеть и при этом не навязать ожидаемые ответы выбранными для методики стимулами? По меткому замечанию Б.Д. Эльконина, испытуемый (респондент) имеет дело не со стимульным материалом методики как таковым, а с ориентировкой и замыслом исследователя, который ему этот материал «подложил». Мы учли это замечание и «подложили» стимул, имеющий вековую прописку в культуре, что определило название методики — «культурная провокация». Такой подход претендовал на обеспечение нам своего рода «полу-алиби» — стимул придумали не мы, хотя мы его «подложили».

Для участия в исследовании были приглашены студенты. Мы полагали, что для людей этой возрастной группы тема актуальна, а их образовательный статус может обеспечить осмысленность ответов.

Планируя это исследование, мы ориентировались на три взаимодополняющих идеи, это:

- идея трансисторизма и культурного опосредствования;
- идея архетипа;
- идея проекции.

Первый из названных ориентиров был обоснован в нашей предшествующей публикации [1], где дан краткий исторический обзор противоречий в понимании любви мужчины и женщины. Эти противоречия были отражены в многочисленных произведениях искусства, трудах философов, а затем и психологов в период от Античности до Современности. Близкое нам понимание трансисторизма высказано В.С. Библером: «*Культура* — …это “наследственность” увеличивающегося числа *самостоятельных*, уникальных, сопряженных друг с другом в диалоге (не в “снятии”) типов культуры, “формаций культуры”, не сводимых друг к другу и не снимаемых друг в друге… (курсив по цитируемому изданию. — *А.М., И.Ж.*)» [2, с. 74].

В соответствии с идеей трансисторизма и культурного опосредствования можно предположить, что в сознании современного человека наряду с отражением современности звучат голоса предшествующих культур, на происходящее и воображаемое человек смотрит сквозь «витражи» культурных образов и значений. К образам человеческой любви это относится в полной мере: в сознании современного человека могут ожить образ античного андрогина, разделенного Зевсом на мужскую и женскую половину, образ Прекрасной дамы и ее рыцаря, образ средневековой ведьмы и образ делового человека, превращающего в «бизнес» любую форму человеческих отношений в соответствии с формулой «ничего личного».

В культуре существуют сквозные темы и жанры, к которым возвращаются и которые переосмысливают. «Есть жанры, — пишет С.С. Аверинцев, — которые практикуются более

или менее “всегда”, пока жива породившая их цивилизация… Другие жанры, напротив, появляются, достигают расцвета, а затем уходят со сцены, так что их последующие появления либо попросту маргинальны, либо предполагают радикальное переосмысление и перефункционирование жанровой парадигмы» [3, с. 200]. Волшебная сказка это жанр, который «есть всегда», тема любви также относится к «вечным», образы волшебства и образы любви трансисторичны. Жанровая парадигма сказки, действительно, неоднократно трансформировалась, как и сюжеты, в которых эта парадигма воплощалась.

Есть фабулы и образы, которые вслед за К.Г. Юнгом [4] стали именоваться архетипическими, они, пережив различные трансформации, переходят из одного произведения в другое как некие «оболочки» или «матрицы», заполняющиеся новым содержанием, меняющие имена, но при этом сохраняющие свою роль априорных схем. Именно к таким архетипическим схемам относятся образы волшебных сказок. «В сказках архетипы предстают в наиболее простой, чистой и краткой форме, — пишет Мария-Луиза Фон Франц, — благодаря этому архетипические образы дают нам ключ для осмысления процессов, происходящих в коллективной психике» [5, с. 5].

К таким архетипическим образованиям, несомненно, относится история и образ Спящей красавицы, восходящие к античному мифу о Персефоне и Деметре (VI век до н.э.). В истории нашей эры одно из первых литературных оформлений, видимо не самое раннее, находим в «Сказке сказок» Дж. Базиле (1636 г.) — это сказка «Солнце, Луна и Талия». В дальнейшем этот образ появляется в сказках Ш. Перро (1697 г.) и братьев Гримм (1812 г.). В русской литературе — в сказке «Спящая царевна» В.А. Жуковского (1831 г.) и в произведении А.С. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» (1833 г.).

Существует ряд сценических воплощений:

- 1892 г. — пьеса Г. Трарье «Сон Спящей красавицы»;
- 1894 г. — премьера «Спящей красавицы в лесу» А. Батая и Р. д’Умьера в постановке О. Люнье-По;
- 1907 г. — одноименная феерия Ж. Ришпена и А. Каина (роль принца-поэта Ландри исполняла Сара Бернар);
- 1890 г. — премьера балета П.И. Чайковского «Спящая красавица», либретто которого было написано И.А. Всеволожским и М. Петипа по сюжету Ш. Перро.

В XX веке этот образ появляется в кино (1930 г. — черно-белый немой фильм братьев Васильевых) и анимации (1959 г. — полнометражный фильм компании «Уольт Дисней Продакшнс»). В XXI веке под именем «Спящая красавица» вышел австралийский фильм (2011 г., режиссер Джулия Ли), который в большей мере является аллюзией библейской истории «Сусанна и старцы». Как пишет Ю.А. Скальная, «помимо сюжетного ряда самой сказки (крестины, укол веретеном, погружение принцессы в сон, возвращение принца, испытания на пути к заколдованному замку, поцелуй, пробуждение), раскрыть диалектику этих взаимоотношений был призван целый фейерверк литературных и культурных аллюзий» [6, с. 174–175].

О какой диалектике отношений идет речь? Видимо, «диалектику» в этом случае нужно понимать буквально — как «разноречие». Во-первых, отношения героини с ее окружением представлены по-разному в разных версиях этой истории. Во-вторых, момент ее пробуждения и ее отношения с героем каждый раз оказываются особой коллизией. Так, у Дж. Базиле находим такое описание их встречи, которое никак не назовешь возвышенно романтическим, а поведение героя рыцарским: «Увидев ее и думая, что она спит, король стал ее звать; но, как он ни кричал, как ни трогал ее, она не просыпалась. Тогда он, воспламененный ее красотой, снял

ее с трона, отнес на руках на ложе, где сорвал плоды любви, после чего, оставив ее по-прежнему спящей, вернулся в свое королевство….» [7, с. 586]. (Эпизод корреспондирует с эпизодами «Декамерона» Дж. Боккаччо (1353 г.)).

Поскольку образ Спящей красавицы оказался одним из «бодрствующих» со времен Античности до нашего XXI века, мы сочли его легко актуализирующимся (только намекни) архетипом. Мы исходили из предположения, что и в детстве представителей современной студенческой молодежи был опыт знакомства с этим персонажем.

Архетипический образ не может быть изолированным, он связан с другими или противостоит другим столь же устойчивым образам. В истории Спящей красавицы в этом качестве нам был интересен образ принца (короля, королевича). По идее, т. е. по «гамбургскому счету» образ принца должен быть героическим, он должен совершать поступки, преодолевая немыслимые преграды. «Ни в какое время ничто настоящее не приходит само собой, — говорит С.С. Аверинцев. — Это прописная истина, которой никто не отменит. В любой сказке герой мог добиться брака с царевой дочерью или расколдовать заколдованную красавицу, лишь совершив невозможное… Гроб хрустальный разбивает только тот, кто преодолевает страх, и если бы не эта преграда, сюжета вообще не было бы, заколдованный лес превратился бы в зону отдыха?».[1]

При том, что фабула истории Спящей красавицы имеет определенные инварианты — колдовство, летаргический сон, пробуждение, — многие события в различных ее версиях вариативны (упомянутая «диалектика»). Это относится и к моменту пробуждения. В сказке Дж. Базиле Талия проснулась не от «знакомства» с королем, а, видимо, от рождения от него детей. В одном случае Красавица просыпается, поскольку истекло время действия колдовства, в другом — она просыпается, когда принц преклоняет колено и наклоняется над ней, как в сказке Ш. Перро: «Принц невольно закрыл глаза: красота её так сияла, что даже золото вокруг нее казалось тусклым и бледным. Он тихо приблизился и опустился перед ней на колени» [8, с. 82]. Если у Ш. Перро момент пробуждения дан в простом повествовательном залоге, то в «Спящей царевне» В.А. Жуковского сцена пробуждения наполнена ярким чувственно-эротическим мотивом [9, с. 15]:

«Вот, чтоб душу насладить,
Чтоб хоть мало утолить
Жадность пламенных очей,
На колени ставши, к ней
Он приблизился лицом:
Распалительным огнем
Жарко рдеющих ланит
И дыханьем уст облит,
Он души не удержал
И ее поцеловал…»

У А.С. Пушкина королевич Елисей разбивает гроб хрустальный в порыве отчаяния [10, с. 14]:

«И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила...»

[1] Аверинцев С.С. Попытки объясниться. Беседы о культуре. [Электронный ресурс]. — URL: https://omiliya.org/article/popytki-obyasnitsya-besedy-o-kulture-sergei-averintsev.html (дата обращения 16.10.2025).

На распространение версии пробуждения от поцелуя мог оказать влияние диснеевский мультфильм. Как бы то ни было, но именно поцелуй закрепился в обыденном сознании в качестве «триггера» пробуждения.

Многообразие «аранжировок» привело к тому, что, конечно же, все «знают» эту историю, но далеко не все могут воспроизвести ее в деталях, в точном соответствии текстам Ш. Перро, братьев Гримм, В.А. Жуковского и А.С. Пушкина. Эта особенность побудила нас использовать именно эту историю для проективной методики.

Методика и результаты

Задание методики состояло в том, чтобы написать небольшой текст «Если бы Спящая красавица проснулась сегодня». Более никаких уточнений и комментариев не давалось. Такой тип методик относят к классу аддитивно-проективных, в них предлагается закончить предложение, дописать историю, дополнить рисунок. Такая практика получила широкое распространение как в клинической психологии, так и в психологии личности и возрастного развития человека. Сказочные образы и метафоры служат материалом для сказкотерапевтических тренингов (см. работы И.В. Вачкова [11, 12], М.А. Одинцовой[2] [13], Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой[3] [14]).

Предлагая такой стимул, мы ожидали, что он может вызвать разнообразные аллюзии и ассоциации. Это были бы ассоциации, в которых могли ожить те самые «витражи», о которых уже было сказано. Ожидания подкреплялись тем, что похожая проективная техника была апробирована ранее в наших исследованиях [15], а также в работах М.Е. Сивишкиной [16; 17], и в полученных ответах угадывались культурно-исторические отголоски. Техника культурной провокации оправдала себя при исследовании и сравнении этнокультурных и этноисторических опосредствований субъективного хронотопа студентов русской и армянской этнических групп [18].

Технически исследование было организовано так, чтобы обеспечить конфиденциальность участникам, а нам предоставить возможность получить весь массив текстов в электронном формате и иметь возможность сортировать их, используя поиск по ключевым словам. Респонденты посылали тексты на адрес (e-mail) доверенного лица из своих студенческих групп, а этот посредник пересылал их нам в архивированном виде. Поэтому имена и адреса респондентов были от нас скрыты, мы просили отмечать в текстах лишь пол и возраст.

В исследовании приняли участие 427 человек из двух примерно равных гендерных групп: мужская 201 человек, женская 217 человек. Все участники — студенты факультета государственного и муниципального управления Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС (ВИУ РАНХиГС). В результате были получены 425 текстов различного содержания и конкретизации. Исключение — два признания в мужской группе, когда респонденты поняли задание буквально — вспомнить сказку и написать нечто вроде изложения.

«Не читал, не знаю» (М., 18).

«Помню что-то из детства, но очень смутно. Не перескажу» (М. 19).

Мы распределили тексты по шести категориям.

---

[2] Одинцова, М.А. Сказкотерапия для взрослых: методическое руководство по использованию проективных методик в сказкотерапии. — М.: Грифон, 2014. — 144 с. — (Сообщество психотерапевтов).

[3] Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии: общие закономерности работы со сказками. Психотерапевтические сказки. Сказкотерапия с «особым» ребенком. — СПб: Речь, 2000. — 310 с.

1. Редуцированное обыденное представление о любви и семейном счастье

Стереотипы обыденного сознания содержат набор таких распространенных клише как «понимали друг друга с полуслова», «жили душа в душу», «жили долго и счастливо» и т. п. В ряде случаев краткая история завершалась «раем в шалаше» или «раем в замке».

Основной показатель, по которому мы объединили эти тексты в группу (256 текстов — 60,2 % от всего массива, 109 из мужской группы и 147 из женской) — общие бытовые дела и гендерное распределение обязанностей и функций или просто упоминания любви и счастья, без подробностей. Тексты «не баловали разнообразием дебютов», отсутствовало описание преодоления препятствий и средств достижения счастья. Респонденты иногда пренебрегали условием — события должны происходить «сегодня», тогда получалось нечто вневременное.

«Они поженились, поехали в свадебное путешествие на Мальдивы, приехали домой, заделали троих детей, 2-х мальчиков и младшую девочку» (М., 18).

«Принц и принцесса стали жить вместе, счастливо в замке принца, окруженные восхищением и завистливыми взглядами прислуги и всего королевства. Их счастью завидовали, но они будто не замечали это и любили наперекор судьбе и всем тем, кто был против них. Они жили душа в душу, много-много лет, радуясь каждому моменту проведенному вместе» (М., 19).

«Брак, дети, внуки» (Ж., 20).

«Через 100 лет она все-таки проснулась. Жили они с принцем долго и счастливо, душа в душу. У них было много детей» (Ж., 19).

«После пробуждения Принц и Спящая Красавица поженились. Была красивая и пышная свадьба. Принц увез свою возлюбленную к себе в замок, где они прожили долгую и счастливую жизнь. У них было 5 детей и их отмечали как мудрых и справедливых правителей» (Ж., 18).

«Жили они долго и счастливо, воспитывали детей, внуков и правнуков» (Ж., 19).

«После пробуждения она и принц поженились и стали жить счастливо. А злая ведьма стала доброй. Она стала другом для принца и Спящей Красавицы. И все были счастливы» (Ж. 19).

«Принц и его возлюбленная стали счастливой семьей, любили друг друга. Через некоторое время у них родился замечательный сын, еще спустя 2 года — красавица дочка. Они все жили в прекрасном замке принца, очень редко ссорились, ведь принц настолько любил свою супругу, что не мог позволить ей долго грустить. Время шло, дети росли. А их любовь с годами не угасала. Все вокруг них было пропитано счастьем. Так и жили они до конца своих дней, в мире и согласии» (Ж., 19).

«Через много лет после удачного стечения обстоятельств и снятия проклятия, принц и принцесса поженились, жили долго и счастливо в своем королевстве. У них появились наследники, дочь и сын, они любили их всей душой. Каждую неделю они устраивали пикник в волшебном лесу, бегали по вечерам по саду, вместе читали, пели, устраивали и участвовали в балах каждый месяц. Были счастливы и любили друг друга вечно!» (Ж., 19).

«У них родилось 2-е замечательных детей. Мальчик Джордж и девочка Элизабет. Они завели себе дружелюбную собаку белоснежного окраса и толстенького пушистого кота. Принц любил свою семью и обеспечивал ее всем необходимым. Спящая Красавица была любящей женой и заботливой матерью. Каждый выходной они всей семьей ездили загород, проводить время, катаясь на велосипеде и устраивая пикники и рассказывая истории на свежем воздухе» (Ж., 19).

«Они жили долго и счастливо, у них было 7 детей и умерли они в один день» (М., 19).

Столь же стереотипны тексты о несложившихся отношениях:

«Спала она красавицей, а проснулась уродиной, никому не нужной. Принц ее не полюбил, и жила она одна до смерти» (Ж., 17).

«Разлюбили они друг друга и развелись» (М., 18).

«Спящая Красавица была счастлива со своим принцем, у них родились дети, но их счастье продолжалось недолго. Спустя год, принц решил, что он женился не на той, и на этом они разошлись. И счастье свое до конца не довели» (Ж., 18).

В отдельную подгруппу мы включили тексты (их 6 из 256-ти в этой группе, по три в каждой гендерной подгруппе), содержащие ироничное отношение к традиционным гендерным ролям.

«После того, как принц и красавица поженились, они стали жить вместе. И этот брак оказался неудачным, потому, что они не сошлись характерами. У принца же только охота и заботы о государстве. А принцесса занималась в основном собой, следила за своей красотой, они на почве этого постоянно ссорились, что в конце концов привело к расставанию» (М., 19).

«Принц обожал красавицу. Она была самой прекрасной в этом царстве. Но со временем он начал понимать, что она очень глупа. Она не понимала элементарных вещей, глупо кивала и вставляла никчемные комментарии. Он решил, что это не может больше продолжаться и оставил ее. Но отдал ей половину царства, а сам уехал жить в Эмираты» (Ж., 19).

«После свадьбы спящей красавицы и принца и быстро закончившегося медового месяца, началась семейная рутина. Спящая красавица получила титул королевы и весь день проводила на троне, решая королевские дела. Принц же от безысходности проводил все дни на охоте, подстреливая зайцев и кабанов. Вечером они встречались за ужином, валясь с ног от усталости. Спустя несколько лет они нарожали детей, дождались их совершеннолетия и передали им бразды правления. А сами счастливо ушли на покой. Больше о них никто не вспоминал и никаких сказок не писал» (Ж., 18).

Предмет иронии — бытовая канва отношений людей в браке, типичные роли партнеров, которые предопределены их гендером, социальными и культурными установками.

2. Идея андрогина

В явном виде, как это описано у Платона[4], образ исходной общности мужского и женского в едином теле, рассеченном Зевсом на две половины, обреченные искать друг друга, в текстах не появился. Но ассоциации с образом «своей половины» и тема ее обретения в текстах отразились. Это четыре текста, два мужских и два женских (около 1 % от общего числа). При всей их «статистической незначимости» мы нашли их содержание интересным.

«…Они очень подходили друг другу: стоило ей только подумать и ее желание исполнялось. Его мысли она тоже читала. Иногда они не понимали это их двое или на самом деле они нечто одно когда-то кем-то разделенное надвое и разведенное зачем-то по разным векам» (Ж., 18).

«Когда он ее увидел, то сразу понял, что она та, о которой он мечтал, видел в снах, пытался разглядеть в каждой, кто попадалась навстречу. У него было чувство, что это его

[4] Платон. Пир / Перевод С.А. Жебелева. [Электронный ресурс]. — URL: https://plato.today/TEXTS/PLATO/Academia/005-01.pdf (дата обращения 15.10.2025).

недостающая половина, с которой он когда-то был несправедливо разлучен. Но будить ее ему было страшно, так велика была цена ошибки. И все-таки он решился…» (М. 19).

«Самая злая колдунья это судьба, Она не дает найти свою половину, потому что она, эта твоя половина, может быть рождена совсем в другое время. Летаргический сон дал шанс встретиться двум любящим сердцам. Это тот случай, когда “разница в возрасте” оказалась вовсе не помехой, а условием их счастья» (Ж., 18).

«Никакая машина времени, никакая теория типа Эйнштейна не могла бы соединить воедино ее и его, потерявшихся во времени и пространстве лучше чем эта фигня с веретеном и прялкой. Они сразу поняли, что они нашли свою половину сквозь века и километры» (М., 19).

3. Средневековые аллюзии. Прекрасная дама и ведьма

Поскольку мы намеревались придерживаться исторической канвы, нам нужно было посмотреть, нет ли в полученных текстах каких-то отголосков Средневековья: образа Прекрасной дамы, образа Ведьмы и образа Благородного рыцаря. Таких текстов всего 8, около 2 % от общего числа.

Начнем с образов Рыцаря и Прекрасной дамы.

«Она проснулась от его поцелуя. Безупречный лоб без единой морщинки, грациозные руки и весь облик говорили о благородстве. Это было то, чему можно было поклоняться, это была та, ради которой нужно совершать подвиги. Но драконов не было, в крестовые походы никто не отправлялся. Но был тот военный конфликт, где решалась судьба всех тех идей, которые он признавал и чтил. Он не стал ничего объяснять, оставил на столе пару сонетов и достал из шкафа старый камуфляж. Ему было понятно во имя чего и во имя кого он будет готов отдать жизнь» (Ж., 20).

«Это был шанс найти друг друга, пройдя сквозь столетия. Он давно понял, что достойных современниц ему не найти. Он читал рыцарские романы, воображал себя Айвенго и мечтал о встрече с Прекрасной дамой. Он готов был сразиться с драконами, но его окружала обыденная рутина. Он случайно попал в этот замок и сначала подумал, что это квест, а оказалось…» (М., 19).

«Когда она проснулась и внимательно его рассмотрела, произнесла четко и внятно: “Ты мой рыцарь или господин?” Ты должен сам определить, кем я тебе буду — прекрасной дамой или наложницей. Если ты готов служить мне верой и правдой как Тристан Изольде, Ланцелот Гвинерве, то не спеши утолять свою похоть. Совершай подвиги и пиши мне прославления» (Ж., 19).

Образ ведьмы мы нашли в пяти текстах, из которых женский только один.

«Принц остановился около принцессы и наклонился над ней. Была ли она крещеной? И вообще, какого она вероисповедания? За что и кем она так наказана? Не прикасаясь к ней, он осматривал перстни, ожерелье. На груди у нее лежало Черное Солнце а перстень изображал голову козла со странной звездой на лбу. Браслет на руке был в форме Уробороса. Он оторопел, а она внезапно проснулась: “Торкемада[5] все еще здесь?” Он не знал, что ответить, отошел к стене. Она отбросила покрывало, и поднявшийся внезапно ветер увлек ее в открытое окно. Он перекрестился» (Ж., 20).

«…Она неожиданно пригласила его в клуб где походу все ее знали. Его сразу поразило, что множество ее подруг, улыбаясь прикрывали рукой рот и старались держаться в полумраке.

[5] Томас Торквемада (1420–1498) — основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании.

И пили они что-то странное чего он не рискнул попробовать. Он понял, что влип: на этом ужине он мог оказаться закуской» (М., 18).

«Нужно было сначала поднести зеркало к ее губам, а не лезть с поцелуями. Когда он обнаружил, что обнимая ее, в зеркале отражается только он, было уже поздно. Теперь понятно, почему из дома сбежали кошки и под крышу слетелось столько летучих мышей. И что теперь? Какое ведомство у нас занимается такими проблемами? ФСБ? Так они сами теперь постоянно звонят и требуют перевести деньги на безопасный счет. Пришлось украдкой заказывать на OZON “Молот ведьм” и украдкой читать в машине, заехав за угол на бесплатную парковку. Но она же и без навигатора и при выключенном смартфоне отыщет» (М., 20).

«Да, поцеловал. Да, проснулась. И все бы ничего, если бы не пентаграмма на плече и странный рокочущий смех. Однажды он окликнул ее, полушепотом произнеся имя Арадия. И она обернулась, сильно исказившись в лице и что-то пробормотав вроде бы на итальянском. Но быстро пришла в себя и сделала вид, что ничего не случилось. Она никогда не смотрела до конца ни одной телепередачи, предпочитая карты Таро, и вдруг, неожиданно произносила нечто похожее на проклятие на непонятном языке. Однажды пока она спала, он отправился в офис известного экстрасенса, но она уже ждала его на пороге. Что было дальше никому не известно — “абонент временно недоступен”. Но я думаю, что безвременно» (М., 20).

«…Проснувшейся Красавице нужно было теперь как-то устроиться в этой жизни. Он предлагал ей учить современный язык, находил репетиторов, подбирал веб-сайты и осторожно начал знакомить со своими друзьями, упреждая их вопросы о том, чем занимается его экстравагантная подруга. Соседи в их коттеджном поселке спрашивали его, зачем она носит из леса травы и коренья целыми корзинами и почему поднимается собачий лай и вой, когда она проходит по поселку. Однажды он вернулся с работы и увидел дома ее сидящей на полу в кругу каких-то странных женщин с распущенными волосами и какими-то мутными глазами. “Что ты делаешь” — спросил он ее, когда все разошлись. Он отвечала: “Мастер-класс. Я поняла кем я буду работать, я теперь, как это у вас здесь называется, парапсихолог и экстрасенс”. Он решил, что лучше ему пока снять квартиру в городе и связаться с консультантами по экзорцизму» (М., 20).

4. Рыночно-утилитарная транскрипция[6]

В эту группу мы включили тексты, которые содержат денежно-вещевой эквивалент счастья: упоминания о деньгах, карьере и предметах материального благополучия (их 118 — 27,8 % от всего массива текстов, 47 в мужской подгруппе и 71 в женской). В 23-х текстах упомянуто заключение брачного контракта.

Мы учитывали не только прямое, буквальное содержание концептов, вошедших в тексты респондентов, но и интонационную модальность. В границах группы мы выделили 85 дескриптивных (констатирующих) текстов (45 в женской подгруппе и 40 в мужской) и 23 рефлексивно-ироничных (в мужской и женской подгруппах соответственно 9 и 14). 10 текстов по критерию дескрипция/рефлексия не определялись.

Примеры **дескриптивных** вариантов:

«В конце сказки они поженились, построили новый шикарный замок, приобрели еще полкоролевства, купили новую модную карету, отремонтировали другие замки, а древние руины превратили в доходные музеи и экспонаты, также у них родились дети: мальчик и девочка. И жили они богатые и довольные, не зная бед, еще очень долго-долго» (Ж., 19).

[6] В этом случае под транскрипцией мы понимаем перенос исходно романтической интриги в контекст утилитарных, рыночных отношений.

«Они сразу же, не откладывая, оформили брачный контракт, по которому принц мог использовать значительную часть активов. Это помогло ему добиться огромных успехов в бизнесе. У них было всё» (М., 18).

«Спящая Красавица и Прекрасный Принц стали путешествовать по миру. Они объездили все уголки земли, пока не купили себе домик в Испании. Там они и остались жить, а его квартиру в Москве сдали в аренду» (Ж., 19).

«У Спящей Красавицы и принца родилось двое детей: девочка Полина и мальчик Марк. У принца был раскрученный бизнес, и она могла не работать. Принц работал, зарабатывал много-много денег, любил и баловал своих детей. А Спящая Красавица занималась их воспитанием и своим духовным развитием. Все оставались довольны друг другом и счастливы» (Ж., 18).

«Первое, что они сделали после ее пробуждения, это привели в порядок свои активы. Нужно было провести экспертизу и оценку недвижимости, а то что лежало в сундуках конвертировать в удобную валюту. Оценив стартовый капитал, они задумались о будущем: какую пользу можно извлечь из их “эпохальных различий”? Конечно же, она могла играть на лютне и клавесине, а он работать на таможне. Но из этого нужно было склеить что-то общее, придать облик семейного бизнеса. Это была интересная перспектива, широкое поле для креативности ☺» (М., 19).

Приведенный выше текст можно трактовать и как дескриптивный и как рефлексивно-ироничный. Мы сочли его двойственным, промежуточным.

Примеры **ироничных** вариантов:

«Они жили долго, но несчастливо. Их брак был холодный расчет. У них была любовь и страсть, но только не друг к другу, они любили деньги и только деньги. Они построили прибыльную компанию и обеспечили своих детей и внуков на всю жизнь. Они были друг другу хорошие друзья и деловые партнеры. А любовники и любовницы приходили и уходили, испытывая лишь зависть к такой благополучной семье» (Ж., 19).

«Он поцеловал ее и она проснулась. Он сказал, что будет целовать ее каждое утро, и она снова вернется к жизни. Дело за малым: надо подписать несколько контрактов и доверенностей. А потом он дал ей снотворное. И стал владеть всем королевством. А когда вздумал жениться, чтобы объединить капиталы с завидной заморской невестой, то попалась ему Недремлющая Несмеяна. Он так умаялся с нею в быту и любовных потугах, что сам надолго уснул от усталости. А она взяла, да и перевала все его и свои деньги в офшор на Кипр» (М., 20).

«Целовали ее многие. Но она едва приоткрывала глаза и изо всех сил не просыпалась. Наконец дождалась: запах дорогого одеколона, золотая оправа дорогих очков, серебро седого виска, перстень на прикоснувшейся руке — каратов этак… Решила: пора просыпаться. Открыла глаза. Да, старикашка ☹. Но все-таки принц ☺! “У меня теперь будет всё — столицы, пляжи, коктейли, бассейны. Теперь его очередь спать. Пока я буду “шалить”, пусть он ложится пораньше и спит подольше”» (Ж., 20).

«Вся эта история произошла из-за сущей ерунды. Помнится, восьмой, не приглашенной на званый ужин старой фее, не досталось золотого ларца со столовым прибором. А достался бы, тогда все были бы счастливы и не было бы колдовства и злых чар. Понятно, что веретен и прялок в королевстве всегда больше чем золотых ларцов. Но ведь надо думать о распределении бюджета. И всегда нужно иметь золотой запас в качестве стабилизационного фонда на случай форс-мажорных обстоятельств — мало ли кто на ужин заглянет ☺» (Ж., 20).

Эти тексты отличаются креативностью, причем креативность и ироничность сопутствуют пониманию рисков утилитарно-манипулятивных отношений партнеров.

В дескриптивных (констатирующих) текстах представлены некие клише жизненного успеха, но в отличие от «обыденных» и «андрогинных» сюжетов здесь другие показатели благополучия: «у принца был раскрученный бизнес», «она была всем обеспечена», «принц зарабатывал много денег». Общий показатель для этих описаний ситуации благополучия можно обозначить формулой «все уже есть», («все включено»), никаких усилий и действий для достижения благополучия в текстах не описано.

В креативных, ироничных текстах, напротив, успех определяется активностью субъекта (причем это может быть как мужской, так и женский персонаж), строящего свои манипулятивные стратегии. В текстах этой подгруппы персонажи проявляют высокую активность, иногда изворотливость в своих манипуляциях. Ниже приведены примеры откровенно эпатажных текстов, также отнесенных нами к подгруппе рефлексивно-ироничных.

«Принц пробудил от сна спящую Красавицу и стал звездой мирового масштаба. Его способности изучали ученые всей планеты. Его приглашали во все мировые TV-шоу. Ну, а про Красавицу Принц под лучами славы, вовсе забыл. Она снова впала в кому, только его теперь в нужный момент рядом не было. Он открыл престижную клинику, в которой сам руководил отделением реанимации. А Красавицу положил в витрину в вестибюле как символ, поддерживающий бренд его предприятия. Над ней висел слоган: “Усыпим и разбудим: все в наших руках!” Он задумал использовать ее в экспериментах по крионике, но держал это в тайне» (М., 19).

«Спящая красавица не была спящей, она давно была бальзамированным трупом. Но шоу должно было продолжаться, и претенденты платили деньги и становились в очередь. Бизнес есть бизнес — ничего личного: не нравится — не целуй» (М., 19).

«Да, она спала вечным сном. Но он сгонял в Сколково в центр нано-ультра-инфра-медицины, а потом не только поцеловал ее, но вколол ей добытое там зелье. Сто капельниц по числу лет ее сна. Он реанимировал труп старухи, не оставившей никому завещания, и стал кормить ее молодильными яблоками. Заключил брачный контракт, а после свадьбы подменил молодильные яблоки на простую антоновку» (М., 20).

На такой черный эпатаж решились авторы мужской подгруппы, девушки тексты «на грани фола» не сочиняли. В женской подгруппе мы нашли ироничные тексты, в которых «рыночность» была погружена во множество привходящих обстоятельств и вещно-атрибутивных мелочей (ремонт, мебель, собачки, кошечки). Приводим пример одного из таких.

«Прекрасный принц разбудил свою возлюбленную поцелуем. У принца был знакомый экстрасенс, он навел порчу на колдунью, кот заколдовала спящую красавицу. Принц и принцесса устроили офигенную свадьбу, на кот. было очень много народа. Потом они поехали в свадебное путешествие в Тибет. Потом они взяли ипотеку и купили себе замок. У них родилось 5-ро детей: 2 мальчика и 3 девочки, через несколько лет купили себе современную карету с электроприводом, сделали евроремонт, завели милую собачку и красивую кошечку. Принцесса получила высшее образование, Принц нашел работу в крупной компании. На выходные они ездили к родителям в гости. Все у них было хорошо! А платить ипотеку осталось всего 124 года! А потом, наверное, наступит вторая молодость и снова “вся жизнь впереди”!» (Ж., 18).

5. Собственно человеческие отношения в их переживании и осмыслении

Авторы текстов этой группы (21 человек, около 5 %, из них 12 в мужской подгруппе и 9 в женской) не следуют стереотипу счастливого финала как само собою разумеющемуся окончанию истории.

Напротив, отношения героев проблематизируются, причем по нескольким линиям:

- переживание беспокойства о рецидиве летаргии;
- сон как отсутствие ясного сознания и проблема сознательного отношения одного из партнеров к ситуации при неосознанности происходящего другим партнером;
- предрешенность и необходимость ее сломать, поступить произвольно по собственному намерению;
- угроза ошибки — оказаться вместе не с тем человеком.

«Прекрасный Принц разбудил Спящую Красавицу, но страх, что она снова заснет не покидал их ни на минуту. Чтобы быть счастливыми, надо иметь будущее, мечтать, надеяться, строить планы. А жить с опасением о том, что твоя жена может утром и вовсе не проснуться ужасно. Большинство людей вовсе не думает об этом или устраняет эти мысли множеством затей и развлечений. Она хотела детей. Он боялся плохой наследственности и совсем не хотел, чтобы замок стал хосписом для коматозников. Он понял, что риск столь велик, что поступил в медицинский университет и стал упорно изучать аутоиммунные расстройства и их связь с летаргией. Пока он изучал и работал над вакциной, она внезапно снова заснула. Прошло полжизни и средство было им найдено, но ей оно не помогало, хотя помогало другим. Он спас множество принцесс и не принцесс тоже. Но любил он только ее» (М., 19).

«Она проснулась и пришла в ужас и смятение, потому что любила другого. А он умер 50 лет назад. Она была благодарна принцу и старалась из всех сил. Но что значит и чего стоит такая преданность, за которой не стоит честность? Как можно платить за возвращение к жизни самой этой же возвращенной жизнью, отдавая ее хорошему, но не любимому человеку? (Ж., 19).

«Спящая Красавица проснулась от поцелуя Принца и стали они жить не долго, хотя вроде бы и счастливо. Но однажды, едва проснувшись утром после ночи любви, она окликнула его каким-то странным именем и сама же испугалась. Он сделал вид, что не расслышал. Но имя показалось ему знакомым… Полгода он провел в поисках и нашел его через Центральный офис информационных ресурсов УМФЦ.[7] Ее герой был найден, хотя и был где-то за тридевять земель. Он отправил ей SMS-ку тут же, не выходя из информационного центра — адрес, моб. тел. и e-mail ее героя. В замок он больше не вернулся» (М., 20).

«Проснулась Красавица и молвила: “Да, ты разбудил меня. И это повод принадлежать тебе? Да, ты хотел сделать это для меня, но меня при этом не спросил — я спала!”». (Ж., 19).

«Это было их семейным преданием, что называется “на роду написано”. Когда-то очень-очень давно гадалка нагадала, что когда родится именно он, то судьба пошлет ему случай разбудить Спящую Красавицу. Он знал это, его родители это знали. Но они не хотели для него такой участи — разбудил, так женись. Да и Спящая Красавица была из враждебного им рода и предки ее по женской линии умом не отличались. Да и что это за жизнь, когда без знакомства, без дружбы, без гуляния под луною надо почему-то целовать, а потом еще и жениться. Многие его друзья целовали не спящих, а вовсе даже бодрых и в сознании находящихся, а те им говорили: “Теперь женись!”, и ничего хорошего из этого не выходило. Но ведь приехали ее братья (они же — братки), засунули в тачку, врезав разок-другой по почкам, привезли: “Целуй, или сам знаешь…”. Жизнь дороже, поэтому поцеловал. И услышал от нее самое долгожданное: “Оно тебе надо? Я тебя не люблю…”». (М., 20).

Таких текстов немного, но они оригинальны, драматичны и рефлексивны. Предмет рефлексии — возможные трудности и поиск путей их преодоления.

[7] УМФЦ — Управление Федеральной миграционной службы.

В отличие от ироничных и саркастических вариантов, отнесенных нами к другим группам, здесь ситуация не отвергается, а критически оценивается, принимается и переживается.

6. Другое, несопоставимое с выбранными категориями

Любое априорное схематичное распределение сталкивается с тем, что находятся феномены, не вмещающиеся в схему. Тексты, которые не подходили под намеченные категории, мы отнесли в эту группу. В части из них отсутствовало интересовавшее нас взаимодействие мужского и женского персонажей и развертывание любовной коллизии. Тем не менее, эти тексты интереснее стереотипных.

В некоторых образ принца вовсе отсутствовал:

«Она проснулась и пошла на работу» (М., 19).

«Спящая Красавица проснулась, покушала, попила, и зажила обычной жизнью: ходила на работу, в магазин, в ночные клубы» (М., 18).

«Красавица ты или не красавица, принц тебя разбудил или будильник — умывание, причесывание, завтрак… “Что же одеть?” И на работу…» (Ж., 22).

«Пока она спала и не могла оплачивать коммунальные услуги, у нее накопились долги. Пришли судебные приставы и описали все ее имущество. Когда они забирали из замка мебель, стороживший ее дракон психанул от всей этой суеты и съел их. Конец» (Ж., 18).

В других возникала тема неожиданной смерти:

«После своего пробуждения, через 30 дней, она скончалась от стресса, потому, что ее никто никогда не любил» (М., 20).

«После того, как принц оживил ее, они жили долго и счастливо, родили детей, А потом ее опять убили завистники, а он застрелился» (М., 19).

Не обошлось и без темы смерти на войне:

«Спящая Красавица вышла замуж за Царевича. Они прожили вместе 8 месяцев, а потом Царевича призвали в армию. После 6 месяцев службы Царевича забрали на фронт и он погиб от огнестрельного ранения в грудь. Спящая Красавица, овдовев, всю жизнь так и прожила в одиночестве» (Ж., 19).

«После того, как принц освободил красавицу, они поженились. Принц стал королем и правил. А красавица стала королевой, но когда король воевал, королева изменяла ему с начальником стражи. Король застукал их и казнил обоих, а сам ушел командовать штурмовой бригадой». (М., 19).

Распределение текстов по категориям представлено в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1

Количественное и процентное распределение текстов по категориям

Категория	Муж.	Жен.	Общее
Обыденное представление. «Все как у людей»	109 (25,6 %)	147 (34,5 %)	(256 60,2 %)
Идея андрогина. Поиск своей «половины»	2 (0,47 %)	2 (0,47 %)	4 (0,94 %)
Средневековые аллюзии. Прекрасная дама и ведьма	6 (1,4 %)	2 (0,47 %)	8 (1,9 %)
Рыночная транскрипция	47 (11,1 %)	71 (16,7 %)	118 (27,8 %)
Человеческие отношения и переживания	12 (2,8 %)	9 (2,1 %)	21 (4,9 %)
Другое	7 (1,6 %)	11 (2,6 %)	18 (4,2 %)
Всего	183 (42,9 %)	242 (57,1 %)	425 (100 %)

Составлено авторами на основе материалов исследования

Ниже приведена гистограмма (рис. 1), иллюстрирующая полученное распределение. Мы ограничились иллюстрацией распределения по всей группе, поскольку мужская и женская подгруппа почти не различались.

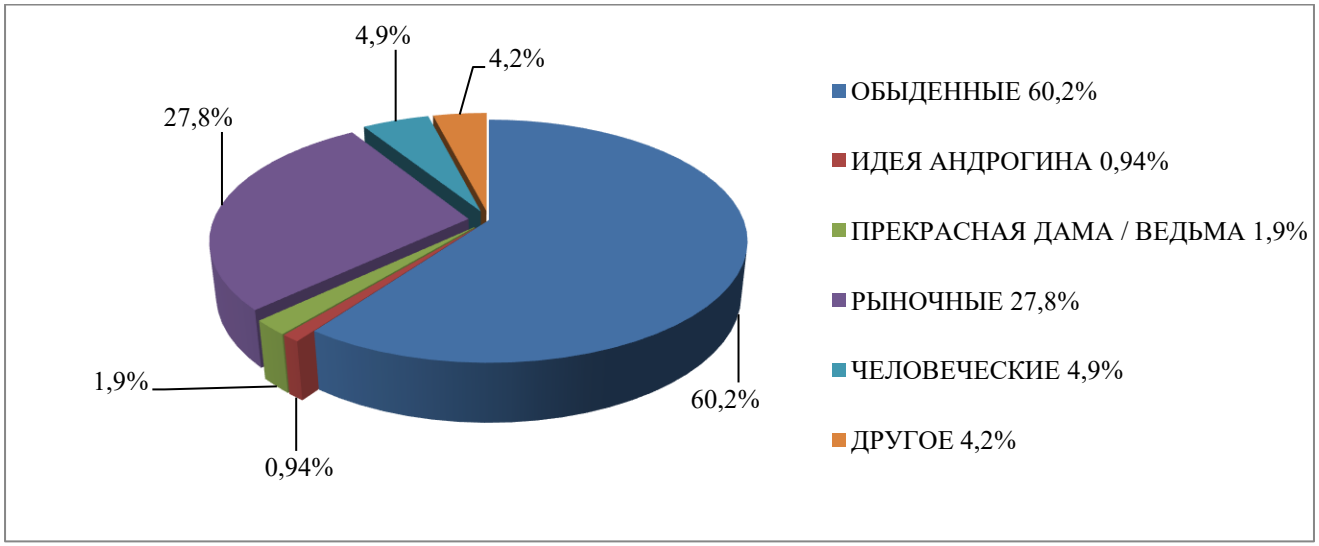

Рисунок 1. *Распределение текстов по категориям*
(составлено авторами на основе результатов исследования)

Преобладание обыденно-стереотипного и рыночно-утилитарного здесь видно отчетливо.

Заключение

В XX веке было проведено множество исследований, посвященных гендерной проблематике и проблемам отношений мужчины и женщины. Большинство из них выполнено в русле психоаналитического подхода и его вариаций.

Нас же интересовало, каким образом устоявшийся в культуре сюжет встречи мужского и женского может трансформироваться в представлениях современных студентов при его включении в воображаемый контекст современности. Идея возникла из общего понимания культурного опосредствования человеческого сознания, принятого в теории Л.С. Выготского [19]. Разработанные в этой теории инструментальный метод, метод двойной стимуляции и другие исследовательские и диагностические средства, опирающиеся на идею культурного (знакового) опосредствования, показали свою эффективность в ситуациях построения условий экспериментального генеза высших психических функций на ранних стадиях развития, включая младший школьный возраст. Применительно к юношескому возрасту и возрастной задаче построения интимно-личных отношений методик культурного опосредствования не разработано. Мы предприняли такую попытку в предельно редуцированном варианте и получили довольно широкий спектр результатов.

Соотнесение с историческими прототипами, как это было нами намечено [1], в полной мере развернуть не удалось, но некоторые историко-культурные аллюзии мы обнаружили. Поскольку в состав респондентов входили, в том числе, студенты-психологи, а их интерес к теме человеческой любви был нам известен, то они могли приобрести опыт экспликации представлений своих сверстников. Культурная провокация наряду с другими методиками и техниками уже применяется в студенческих курсовых и дипломных работах, а также в диссертационных исследованиях выпускников. Этот прием можно использовать при проектировании и проведении тренингов, он вписывается в технологию сказкотерапевтическогих тренингов, разработанную И.В. Вачковым [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведев А.М., Жуланова И.В. Любовь: исторический и философско-психологический анализ противоречий // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 1. [Электронный ресурс]. — URL: https://mir-nauki.com/PDF/79PSMN125.pdf (дата обращения 10.10.2025).
2. Библер В.С. Замыслы: В 2-х кн. Кн. 1 / Отв. ред. И.Е. Берлянд; Сост., подгот. текста И.Н. Берлянд при участии А.В. Ахутина. — М.: Издат. центр РГГУ, 2002. — 876 с.
3. Аверинцев С.С. Связь времен. Собрание сочинений. — Киев: ДУХ І ЛІТЕРА. 2005. — 448 с.
4. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. — М.: АСТ, 2023. — 224 с.
5. Фон Франц М-Л. Толкование волшебных сказок. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2020. — 292 с. — Серия: Юнгианская психология.
6. Скальная Ю.А. Удар зонтиком по голове вместо поцелуя: трансформация образа Спящей красавицы в пьесах Б. Шоу // Научный диалог. 2018. № 9. — С. 171–191.
7. Базиле Дж. Сказка сказок, или забава для малых ребят / Пер. с неополит. п. Епифанов. — М.: Издательство «Иностранка», ООО «Издательская группа “Азбука-Аттикус”», 2025. — 640 с.
8. Перро Ш. Сказки матушки Гусыни. — М.: Художественная литература, 1991. — 144 с.
9. Жуковский В.А. Спящая царевна. Сказка. — М.: Литография Т-ва И.Д. Сытина, 1915. — 16 с.
10. Пушкин А.С. Сказка о мертвой царевне и семи богатырях. — М.: Звонница-МГ, 2020. — 16 с.
11. Вачков И.В. Сказкотерапия: Развитие самосознания через психологическую сказку. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.:Ось-89, 2007. — 144 с.
12. Вачков И.В. Введение в сказкотерапию. — М.: Генезис, 2022. — 288 с.
13. Одинцова М.А. Психология жертвы: сказкотерапия для взрослых. — Самара: Бахрах-М, 2010. — 240 с. — (Мастерская практического психолога).
14. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д., Тихонова Е.А. Проективная диагностика в сказкотерапии. — СПб: Речь, 2005. — 208 с.
15. Медведев А.М.. Сивишкина М.Е. Субъектность и личные теории в построении интимно-личного отношения в юношеском возрасте // Психология обучения. 2013. № 6. — С. 103–117.
16. Сивишкина М.Е. Культурная провокация как техника изучения интимно-личных отношений в юношеском возрасте // Психология обучения. 2015. № 6. — С. 50–64.
17. Сивишкина М.Е. Техники культурной провокации в исследовании стереотипов любви и семьи в сознании современных студентов // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. — С. 117–292.
18. Медведев А.М., Мартиросян К.В. Техника культурной провокации в исследовании субъективного хронотопа в полиэтнических студенческих группах // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Том 7, № 2. [Электронный ресурс] — URL: http://naukovedenie.ru/PDF/07PVN215.pdf (дата обращения 15.10.2025).

19. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений: в 6-ти т. Т.3. — М.: Педагогика, 1983. — С. 5–328.

20. Вачков И.В. Возможности метафоры в сказкотерапевтической работе со взрослыми // Электронный журнал «Клиническая и специальная психология» 2015. Том 4. № 1. [Электронный ресурс]. — URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2015_n1/Vachkov (дата обращения 10.10.2025).

Medvedev Alexander Mihajlovich
Moscow City University, Moscow, Russia
Institute of Urban Studies and Global Education
E-mail: al.medvedeff2009@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0009-7908-8650
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=642349
SCOPUS: https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=36802216800

Zhulanova Irina Viktorovna
Moscow City University, Moscow, Russia
Directorate of Educational Programs
E-mail: irina.julanova2010@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-2309-1865
RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=322649

The method of cultural provocation in researching students' perceptions of love and family happiness

Abstract. The article describes an approach to studying the representations of human love among young adults of student age. Understanding intimate relationships and the love between men and women is highly relevant for people of this age. A method called «cultural provocation» is presented: students were asked to create a continuation of the well-known fairy tale of Sleeping Beauty. They had to imagine that Sleeping Beauty woke up today, in a modern life situation. The texts of 425 participants, obtained as responses to this open-ended stimulus, are analyzed. The intention was that the fairy-tale, unreal nature of the stimulus content should evoke a projection effect. Generalized concepts were used for the analysis of the results: common perceptions of love and happiness; the idea of a partner as a «other half»; medieval allusions to the Beautiful Lady and the witch; a market-utilitarian understanding of marital relations; and an existential understanding of love. Examples of results obtained in the empirical study and descriptive statistics are provided. The texts received predominantly feature common stereotypical notions of love and family happiness. A significant portion of the texts falls into the «market-utilitarian» category, representing the idea of a beneficial marriage contract. Some texts in this group exhibited irony and creativity. The idea of a «soul mate» and romantic images of the knight and the Beautiful Lady were represented to the least extent. A meaningful existential understanding of love was reflected in only 21 texts (4,9 %). The described method can be used in the design and conduct of fairy tale therapy training sessions.

Keywords: love; cultural provocation; Sleeping Beauty; stereotypical ideas; utilitarian-market ideas; medieval allusions; existential understanding